

Анна Глазова

ЗЕМЛЯ ЛЕЖИТ НА ЗЕМЛЕ

*

оказавшись в горах или на голом песке
сходит с кожей
с этого света
на этот свет

или может быть сходит с себя
песок
или горы
медленно трогают за живое;

люди сходят
за что-то людское.

ОДИН ЧЕЛОВЕК

1.
щедрость знаков:
указывать даже тем
кто не будет их толковать,
им следовать,

но будет следить.

(говорят,
один прорицатель
решил стать
читателем.)

2.
один человек
взял (как в жёны) в наследство
не дом и не землю
а граничный камень,

и лежит у него
разлагая на буквы
след
неуместных
обнесённых потомков.

3.
один человек
не сумел сохранить тайну
стал зависим
и она его – как лекарство и яд –
истощила:

он наполнился тайной
(это видел каждый прохожий)
но она перестала быть
отдых и праздник.

4.
очевидец
для опыта всыпал
в устье достаточно соли
чтобы, казалось, река стала искать
новое море или сама стала морем,

но от опыта он
заболел солевой лихорадкой.

вверх по устью (как рыба на нерест)
поднимается смелая соль.

5.
различие требует
чтобы было
своё и чужое,

но тот редкий
который чужое берёт
но не может сделать своим,

тот родился
слаб на различия
в побратимы червю в земле
и простому делению.

6.
сон – растворитель сильнее воды:
он размывает не связи
а следы от прошедших повторов.

потому во сне каждый
ходок одинок
но зато тот кто спит
почти безгранично
сливается с тёмным
собой.

7.
ударяясь о воду
человек на горчичное семя
превращается в камень,

а внутри воды
в бездыханный рыбий пузырь,

но когда умирает
то похож не на всходы
а на пух с тополя
и летит.

8.
грёб на остров
но течением вынесло в явь
к другим людям.

по доброте
они тогда ему постелили
на вогнутом дне

чтобы –
сверившись с небом –
он опять оттолкнулся
где накатится дальше

возвратный сон –

9.
в мире бесплодных сношений
один прохожий дал
обет безбрачия души

но повстанка-душа
нарушает обет
обнажаясь
то перед ветром
то перед домом

10.
кто отдал себя на исчерпание,

отступил от себя,
свой часовой,
отдающий отчёт,
но почти только в том,
что ушёл в самоволье.

11.
встань перед собой,
вопрос.
и пусть эта гладь прозябает,

величину себе выбирать
не надо по росту осоки:
важнее скорость,
когда смотришь в себя.

12.
готовность ответить
не добавляет смысла решению
но способна переиначить вопрос
(по ошибке это зовут пониманием)

и почти ни
один
не готов от себя
отвлечь
объяснения.

12.
один человек
устал от холмов и оврагов
и стал водомером:

у реки замирал,
её чувством охвачен,
а когда возвращался в себя,
становился
старше собой.

13.
горожанин жил грустно:
на каждом углу видел угол,
и угол казался ему
тупиком,

но он спасся
уйдя навсегда в подземелье:

там тупик это небо
там тупик это боги

14.
сон о потерянном весе
застал человека страдающим
от невозможности скрыться в себе с головой:

ум легче сна,
тяжелее свободы.

15.

собака или змея
может принять
свой хвост за чужое,

человек за чужое
принимает себя –

гончее,
только по кругу
в том где
хоть шаром покати.

16.

один человек говорил
не словами а именами
будто рот это чрево
и оно продлевает
словесный род а не ряд,

потому ему часто хотелось
взять обратно слова
как детей заблудившихся
и людей разуверенных в жизни.

17.

расскажи мне о людях,
однажды спросил
младший старшего,

а старший схитрил:
говорил не о людях,

о смутных предчувствиях
которые будто бы слышал
в ещё не раскрытом в ростке
человека ли зверя
или общих корней.

ЗЕМЛЯ ЛЕЖИТ НА ЗЕМЛЕ

*

земля тоже жухнет
когда полегла умирать трава
и глубже растёт красный сланец
где больнее упали вниз лицом
листья со сладкого клёна.

на земле где-то есть — и сейчас уже — слой под землёй
где человек лежит не истлевающим отпечатком
а твёрдой жилой,
несобственным именем.

*

земля крошится как хлеб
как хлеб сеется и красиво не тает.

ум только кажется замкнут:
и земля с земли не уносится,
и своя же целая крошечность.

*

хлеб не режется
пока он мука и вода
и когда он крошки и сухость.

если бы хлеб и железо
выпекали в одной печи,

нож над хлебом
было бы не поднять
лёгкой рукой.

*

быть землемером — гордость бродяги
и достоинство странника.
ты поэтому поклонись себе в ноги
не до земли.

земля не затоплена тем
кто по ней воду носит
и не затоптана тем
кого носит земля.

кто лежит, расхотев
трогать землю ногами,
держит воздух над ней —
и ей легче.

*

в конце концов,

каждый

сколько-нибудь отделен выросал
из клубка или клубня.

врождён в судьбу,

ты ей понемногу привычен –

вкрапление в горной породе
не инородней чем своё тело,

и почти подобно.

*

извлечение волоком
чего-нибудь небольшого из большого
(порошок это прах
кого-нибудь малого)
определяется сверенностью величин
и определяет
подобие причин.

*

расставание
и потом расстояние
по разные стороны
сгоревшего места.

расстояние
как зарастание
ожога.

то что ясно горит
говорит темно
в затянувшемся.

*

размножение угольками
клубеньками
в пережжённом
перегное
самых твёрдых пород
зола с головешек
устойчивых
к жизни.

*

возникновение огня из костра,
из того же другого,

схоже с усилием
превращающим место в уместность
время в уверенность
в естество –
свойство.

*

головная стая маленьких жал в моей голове,
уязвимость и жалость, большие цветы;
только запах и цвет
(это их ястребиная зрячесть)
неистребимы – как свойство.

*

не хозяин я миру своему
и не сторож воображению,
и куда ни уходят,
и куда не уйдут,
образ тот же:
верный приют
у природной тревоги.

*

тяжесть как брак
заклучается в высоте,
высота это сердце.

в невесомости сердцем исторгнута
теплота этих тел
и решается втёмную
сколько вынесет свет.

*

улететь с земли оттолкнувшись
на открытом огне
не в людей
а в зияние
над телом воздуха:

это проще чем провалиться
в жидкий жар
в середине земли.

*

роют дневному свету могилу
в высоком колодце –
углубление дна –
раздвижение неба до первой звезды –

так что тот кто уходит под землю иначе
открывает глаза.

*

убывание у луны –
отлучение от лучей
и от млечности.

и убывание человека
сходно сходу
с высокой горы
с потерей воздуха.

выдох.
отдушина отдыха
тянет в ней и остаться.

*

назови на “ты” мёртвого --
это ему после смерти открывает глаза
на бескровье,

так идёт на земле
обращение людей.

*

смерть отбрасывает не тень
а одномерную четверть от человека.
из умершего высвобождается

обнажённое

время

*

как бы сквозь тусклый свет
или
растворённый
и без выражения лежащая ткань --

укрытие посмертия в памяти.

*

если отбросить себя от тени,
пасть на землю,
тень уляжется, пусть не мягкой, постелью.

ночью очнувшись,
на ночь обопрись.
темнота это ясный, слепой поводырь.

*

можно всю жизнь прождать наступления сразу и ночи и дня,
вычитаемый из ожидания.

ты и спать ложишься
чтобы и лечь и над лежащим подняться

собой.

*

сквозные,
то есть открытые стены –
так стоит память,
развёрнутый дом
жизни обратной себе;

высшая мера –
невхожесть
возвращения к себе.

*

когда середина
раскрыта держащим
целое сводом,

тяга к укрытию и к разрыву
утаивает бесцельно
сведение к цельному.

*

свёрток и скважина –
видимости в уме
несквозном и повёрнутом
половинами врозь,

где разница
смежна с розностью.

*

искомое
незавершение

в данном просторе,
отторгаемом от
очертания места,
то есть скал или вод.

даже ветер
ходит привычным путём,
и время идёт;

только в просторе
без путей и следов
сеется
простота.

*

соком земли кормится запах цветка,
частью
пресуществляется целое.

и ты тоже рождаешься завитком
а умерев распрямляешься
будто зéмли на плоскости карты –

и в чувстве камня
расстилаются горы.

*

море замкнулось
внутри горы и бездействует:

не творит соль
не даёт пар
никого не кормит и само
не ест,

или есть
ОНО

*

неразлей-вода
ни жива ни мертва
и в неё не войдёшь и не выпьешь.

стой — не скажешь
под мостом мой-реке
потому что измытыми берегами
искупается,

тянется
поцелуй
устья с морем.

*

солнцу всё время немного холодно
в остывающем небе
и собственном ветре
и приходится глубже зарываться в себя.

эта скорбь незнакома постоянному свету:
он ни тяжёк ни лёгок
на подъём, на упадок.

*

земля ещё вызревает:
не затвердело ядро, плод,
несомый пространством
в невесомую смену времён надземного года;

что дальше? когда
люди успеют к своему урожаю, когда
будет время открыться,
что-то голодное,
кажется,
ждёт окончания межлунного лета.

СТОИТ ДОМ

*

смерть – это дом
не существа
а вещества
бродящего

(по земле дороги
расходятся
по воде – расползаются):

тот кто перебродил
кислотой всего рода живых
возвращается
в родной угол
и покоится, уголь.

*

если дать себя хоронить
то, проси, с последней волей:

"дай схорониться в саду
тускло блестящих
углублений в земле
от ушедших на волю камней".

все пути жизни
развязались бы и освободились
если бы смерть была
волей живого
свернуться клубком.

*

голова дерева
укрыта в почве в прохладе
ума
нисходящего в холод
ближе к пыланию ядра.

если корни достигнут
сердца земли
и обнимут его

каждый цветок
(у каштана болят по этому времени свечи)
станет домашний очаг
на все стороны отворённого дома.

1.

у жилицы нетвёрдая поступь –
стал песчаник ракушечником.
из чего теперь строить жильё?

и тогда она медленно забывает
не порядок жизни а навык.

2.

может прожить человека другой человек?
не насквозь,
а как в доме доставшемся по наследству.

*

небо – купол
но облака – потолок.

под плоским небом
прячется высота
скрывая зрение.

нужно закрыть глаза
для роста различий.

*

отличать полость от пустоты
(как сладкую воду от пресной)
можно только наполнившись
чувственными приметами
когда они требуют
отступить и дать место
другому приливу,
живой тесноте.

*

что с себя взять
кроме прямой наготы?

для пущего поиска
привить свой же дичок.

(так дичится волка собака
чтобы в себе изменить
тот исход что сама она – волк,

и становится пастырем
человека).

*

задача держать на свободе
и ночь и день
держа только дом несвободным.

в собаке вернее живёт человек
чем в тебе (если ты – человек):
она идёт в человеческий дом
мимо идущих собак.

верность дому
немного его поднимает
над занятым местом
чтобы люди в себе обменяли
выкуп зверя на
неживотный заём.

*

выход не ступень вверх или вниз
а когда ты пронизан
(так исходит вся ласточка в писк);

высвобождает когда переходит
жар — пар
вес — движение
душу — шелест
всех видимых и невидимых и неслышимых
волн.

*

отрог и складка,
между ними нескладность,
попытка исправить себя
(как расправить ткань гор
разгладить хранящее память лицо)

и прерывистый путь
до заката
зовёт
докатиться.

*

иногда изогнутый – это изгнанный
из прямоты
воли и цели

но когда из огня
вынут гибкий как ветка железный прут
и его изогнут,

свойство железа
выпущено на волю
между средством и целью.

*

белый завод
по переработке белого дня в белую ночь
и в закрытые
помещения помещённый отход.
там, в темноте,
копится сила распада.

ты проникнешь туда
тёмным (тебе же) путём
непорочного сдвига.

*

вызволeнный
из-под золы
несгораемый пух:

скатываются в клубок
нити полузабытых
и неоконченных разговоров,

на них налипают комком
облетевшие листья
ещё до снега.

прикосновение разливалось
теплом и вином.

сухой комок теперь
будет кататься во рту
пока и меня не развеет ветер,
и с него кувырком слетит птица.

Галине Мушинской

дом и окно
и напротив окна —
остров повыше воды.
солнце выходит из острова не каждый раз.

год отстаёт
от возвращения дня,
когда солнце встаёт земляное,

означая конец света,
означая начало.

маме

самодельная природа
начинается с удара:

сад разбивается,
рыхлая почва – осколок.

в саду прорастают ползучие трещины из земли
зелёные, золотые
как на глиняной битой но клеенной
чашке для пищи.

*

сбор былин
не с лугов а из древних,
отживших, книг,

приворотное зелье
из подворотен в заросшем уме,

книжникам а не травникам
дающее силы
пережить быльё на себе пережить.

*

для превращения древесного в деревянное
необходим человек
как если б работа прежде всего росла из земли.

как из лета сама вырастает зима
в каждом семени сразу
лежит семя будущего расхода
чтобы жизнь исчерпала себя –

чтобы дерево стало доской
для ступени истёртой шагами
чтобы неразрушимое сердце
каждой жизни стало
едой и питьём

ЖИВОЕ ЛЮБИТ НЕЖИВОЕ

*

человек рождается
вместе с собственным морем
и тут же его теряет,

умирает –
и собственно человек
вольётся в общую сушу.

*

ленты маленькой кислоты
из которых сплетено всё живое
сплетены сами
с неживой
(потому и немёртвой)
прямой тканью лёгкого мира.

вот разбирает учёный на пряди
струны плоти
и в них звучит
её продолжение как будто
она – дитя
с простыми длинными волосами
и красивый умному говорит:

всё живое любит всё неживое,
и повилика решётку.

*

ключ которым открывается тварь
это живая влага в её дыхании
или тёмная память
в недосвершившемся прошлом,
её внутренний цвет.

бледностью кости румянцем плоти
можно укрыть её
(как воротом шею)

но она исчезнет
когда будут открыты ворота туда

где различия нет.

*

вид происходит когда его видят,
из всего исходит в своё:

когда ты взглядишься
в павлиний глаз
над тобой как ресницы открывается бабочка
и расходится веером
как оперение
несытый взгляд.

*

узелочки — кровяные тельца,
плетущие память,
и другие тельца,
крючкотворцы,
творящие в памяти петли.

потому и похож
ум на ткань
извилистой вязки;

ты не рви эти петли
и они тебе будут
равны.

*

мышь полевые и полевые шпаты
дочери и сыновья растительных мест,

человек не мечтает стать
окаменелым остатком
всеми жилами протянуться
внутри горы,

человек не выношен в глубине
недобытым алмазом
зато вынесен — как зерно воздухом —
в наземное поле.

Аркадию и Зинаиде Драгомощенко

потому что ты держишь
от зари до зари
бумажную книгу
руки в неё пустили корни
и теперь к чему
ни прикоснёшься
вырастает (пока не поздно, прощайся)

— сумрачный лес —

с шумом в листве от твоей остающейся жизни.
как маковым семенем присыпанные листья
роняют мак в твои руки,

и ты прививаешься к лесу, о четырёх конечностях черенок,
и в травянистых уже ушах шепчет — забудь забудь —

пока из головы сквозь древесину
расходится кольцами — как по воде —
твоя отдельная в общей памяти.

Марии Степановой

древоточец – мотылёк не доспевший до своей полноты – под корой
проникает в рисунок
себя в будущем
пока не исчезнет в зрелой своей полноте.

(пусть не виден, прикрытый)
готовится оттиск
на стволе
будто ствол – доска:

мотылёк для людей
в его детстве – жестокий художник.

*

понемногу
сходит позолота
с целовальной доски
в голодные времена —

когда не хватает на весь мох болота
и даже в тепле не тает вода
замирает гниль во всём мёртвом
и не держится душа

*

что общего у коловратки и кривошипа?

белыми стежками —
простые действия в мире,
но память темна,
у неё — в клеточной глубине
у него — в названном имени.

нужно поверить
что они в одном
вращались истоке,

что к нему возвращается
и собственный ум.

*

луна за собой
тянет влагу,
солнце — время,

открытое море
на то и открыто,

тихоходки и люди
сближаются,
их тянет общее дно.

в крыльях бабочки отразился последний взгляд зверя,
он прозирает.
и в еде живёт голод, и в жажде вода,
и частичная память бежит волной.

*

конус раковины
помнит
кривую душу,

моллюск
сворачивает время
в точку.

Никите Сафонову

яйцо похоже
на каплю заиндевевшую
в скорлупе
с неподвижной мыслью внутри
о солнце.

так и река подо льдом
темнотой согревает
прозрачность.

*

небо
(поднялось над землёй)
– не для славы
а для славки.

часть
на которую мир непрозрачен
невесома и неделима,
остальное – движение.

тяжесть
(примесь в воде – противоядие)
– соль земли.

*

быть и хрусталик
и преломлённый луч:

с хрустом надломлена ветка,
и ты смотришь
как спадает с неё тёмный шар --
птица -- как будто спугнули --

многократно откликнулся
между птицей и егерем
преломлённый
сухарь.

*

в скошенной траве
превращается опыт в запах,
дерево на зиму
прячется в плод,

а ты должен всегда
изобретать для себя наименьший достаток
пока тело
ещё испаряется.

*

изобретению безбрежности
предшествовало
разоблачение:

у голого тела нет берегов;
изобретение тела
произошло
с внутренней стороны
которая стала –
обретённая –

облаком
для лица.

*

в самой глубокой норе
есть смысл дожидаться
самой случайной крупицы света.

внутренняя ведуница в корнях
проводит огонь
чтобы корень как шнур
вёл огонь к точной цели:

круговороту
в живом тихом тлении.

*

шерсть и волосы
ближе цветом к земле
чем пёстрые перья и чешуя:

чем извилистей мозг
тем дальше дорога
от райской яркости.

чем ярче видит
тем невзрачней смотрящий;

а как видит невидимый?

Галине Мушинской

нет ничего тайного
только неявное
имя цветка

в его перевёрнутой но не пролитой чаше,
в не внешнем, не внутреннем,
а погружённом в само имя
растительном сердце.

нет такой тишины
или шелеста трав
в которых бы не печалилось имя
о многих словах:
слова кличут

а имя венчает,
даёт цветку
венчик.

ПЛАКАЛЬЩИЦЫ

1.
так живородящее
смотрит на мертворождённое:

с неприятием.

так смотрит кто-то
лишившийся даже горя
на для него неподвижно
распростёршийся мир.

в горечи задан вопрос:
найдёшь ли цвет пламени
на котором будет гореть
(как на коже – пятно света)
потухающий взгляд.

2.
береговые птицы
берегут реку от суши,

водные
погребают волну в море,

между ними разрыв –
чайкой затянут –
яростный плач.

3.
лицо у луны
ущербное, вдовое
будто плачет через платок
и когда наполняется
до размытых краёв
с ним сливается небо
прибавляя земному телу плакальщиц вес.

4.

если сложить все молнии
падавшие на землю
получится клинопись
для записи озарений
и воздушных тревог,

страх

уходит в горячую внутренность
железными нервами;
плачущая
похожа на дождь
и подземное море.

5.

маленькая сухая гроза
разражается в трении
нарушая затишье вещей.

то же и плач:
гром и раскаты
в человеческом теле.

6.

плакальщица отпоёт и врага
не хуже чем
погребальное пламя
приготовит остатки –
угли и искры, а её радость,
что чем гуще зола,
тем щедрее земля.

7.

Нике Скандиаке

пар не коптит
снег не горит
вода высыхает без пятен;

не то слёзы:
застывают до белого пепла
поднявшись
с солёного дна.

8.
побережные души
отбрасывают себя
от накопленных жизнью горячих слёз,

и когда оттолкнулись,
их отблеск —

сожжённое возвращение —

ударяет в глаза.

9.
пепел не горит
зато разносится ветром
солнце сквозь линзу — сквозь каплю —
зажигает огонь.

пепел горит
попав в солнце
становится жидким

в память об огне,

слёзы от ветра
жгут кожу.

СТАТЬ СЕБЕ НЕРОДНЫМ

*

список вычеркнутых:

те кого испытала тайна
переходом тревоги в ночную трезвость.

те кого осенило,
белизна вокруг головы — внутри головы,
хоть снаружи кажется, там темно.

от волнения свет распался на полосы.
не отличить золота от серебра, молчания от слуха.
через них проведут черту, и белизны

как и не было.

*

кромешность,
то есть
ничего кроме ощущения краёв
где хотелось бескрайности;

странно быть величиной
и стремиться без края к пределу,

что бы,
кто бы
эту крайность ни делал.

*

ночь исчисляется
произошедшими серединами дней
измеряется
темноте протянутыми руками
(как слепок слепому)

и похожа на поле:
как зерно в неё
засыпается
мера за мерой.

*

разве ум бережён,
никогда не спящие силы?
и та тяга
которую ум
отпускает во сне.

то чему подчиняется сила
схоже с тихим разделом
вод или ветра (вод и
ветра) –

здесь останешься жить в умеренной пустоте
если только на край не потянет
ещё один берег.

*

держаться права
чтобы успеть закончить себя
к своему же успению.

тело тянет
от себя уклониться
к стороне устающей,
усталой,

чтобы расправился сон.

*

ничто не бьётся прочнее чем воды.
нигде не надёжней душа
чем в пустоте за душой
в открытом падении;

и тем ближе к покою подъём
чем скупей
высота
уступает.

*

как иногда опускаются в скудость
ради самой глубины –

иногда прекращение роста
значит не старость а завязь:
хоть в этой завязи ничего не растёт
но растёт теперь в том
что не завязь уже,
ради скудного ставшее целым.

*

пение – царь после переворота,
камень, свергнутый
с плеч говорящего;

только сам говорящий
голосом срезан
от уха до слуха.

Артемию Магуну

в каждом подобии
спрятана музыка,
её слышит несовпадающий –
непохожее ближе.

стать себе неродным,
чтобы слышать согласное пение
уходящего
с прошлым.